

ного замка в Провансе в начале XIII в., но также и современный опыт поэта, и в частности, личная драма, переживаемая им в связи с новой «влюбленностью» жены и ее отъездами к предмету страсти — К. К. Кузьмину-Каравасеву в ноябре и декабре 1912 г. Специальное исследование автобиографической подоплеку этой драмы, сделанное Е. А. Огневой, не учитывает этого обстоятельства [3].

Именно в октябре, когда называется эта драма, окончательно оформляется образ Бертрана — «человеска по преимуществу», чья судьба — «„судьба неудачника“, по крайней мере в христианскую эпоху, которой мы современники,— это величина постоянная» [2, т. 7, с. 164]. Очевидно, что за «человеческим лицом» Бертрана угадывается сам автор, с его нравственным императивом долга, верности, «стояния на страже», принятого на себя мученичества. За образом Изоры просматривается Л. Д. Блок, какой ее видит и чувствует поэт: земное, чувственное, «бабье» начало в ней одухотворено неосознаваемым томлением по беспредельному, трепетной чуткостью к его зовам, земным проявлениям Вечно Женственного. Когда Блок говорит об Изоре, что «в ней много детского, что ее капризы таят в себе настоящую волю, которая способна сломать много преград» [2, т. 4, с. 534], кажется, что он говорит о своей «маленькой Бу».

Проекция Л. Д. Блок на Изору — смуглую красавицу, в которой течет испанская кровь, — подтверждает впечатление от танца Л. Д. Блок в «пестрой шутке Сервантеса» — пьесе «Два болтуна», поставленной в Териоках летом 1912 г., о котором Блок пишет матери 5 июня 1912 г.: «...Я видел, как Люба танцует испанку — танцует свободно и легко...» [2, т. 8, с. 391].

Блок, подобно «бедному рыцарю», любит ее и самоотверженно служит ей. Дневниковые записи Блока воссоздают сложившуюся драматическую ситуацию: «Дни проходят все-таки „о другом человеке“; когда ни войдешь к ней, она читает его письма, или пишет ему, или сидит, задумавшись. Надо, значит, теперь ехать в Житомир (!), а потом — видно будет» (27 октября 1912 г.); «За обедом плакала, говорила о том, что там — неблагоприятно! Он — мальчик («Мальчик красивый» — Алискан.— И. П.), „хороший“ (22 года), чистый, „знает се жизнь“, „любит“ ее. 7 ноября ..., вероятно, она поедет в Житомир, теперь пока думаем мы оба, что на время» (29 октября 1912); «Сегодня моя милая уехала в Житомир» (2 ноября 1912).

В записи от 7 ноября 1912 г.— осмысление его отношения к ней в духовном плане, проливающее свет и на отношение Бертрана к Изоре: «Все время пронзает мысль о том, где, как она. В ней — моя связь с миром, утверждение несказанности мира. Если есть несказанное — я согласен на многое, на все. Если нет, прервется, обманет, забудется — нет, я „не согласен“, „почтительно возвращаю билет“» [2, т. 7, с. 176]. В пояснении к образам драмы Блок говорит о том же, о своем: «Изора для Бертрана — все, что есть светлого на земле; когда она страдает — страдает и он» [2, т. 4, с. 534]. В третьей редакции драмы это глубоко личное переживание вложено в сознание героя и находит выражение в тексте:

Но кажется мне иногда,
Что есть тайная связь
Сердца мира и сердца Изоры

[4, ЧЛЗ, л. 162].

Из внешних впечатлений, которые так или иначе отложились в образах «Розы и Креста», следует особо отметить потрясшую Блока весть о смерти Стриндберга и поразившую его деталь в завещании о похоронах, о которой он сообщает А. Белому в письме от 26 мая 1912 г.: «... просил хоронить без пастора на кладбище для бедных и положить в гроб на грудь крест и Библию, так как только в этой книге есть некоторая правда» [2, т. 8, с. 390]. 1912 год проходит у Блока под знаком Стриндберга, в котором он видит воплощение собственных устремлений к единству художника и человека в одном лице: «великий и простой,